ПРЕСМЕРТНЫЕ ДНИ И КОНЧИНА ГРАФА АРАКЧЕЕВА.

(Изъ разсказа отставнаго штабсъ-капитана Евгенія Михаиловича Романовича).

Служа въ Аракчеевскомъ, нынѣ Ростовскомъ, гренадерскомъ принца Фридрида Нидерландскаго, полку, я съ полкомъ своимъ стоялъ въ Новгородской губерніи, въ 60 верстахъ отъ мѣстопребыванія графа Аракчеева т. е. отъ села Грузина, въ такъ называемомъ Графскомъ поселеніи, расположенномъ по берегу рѣки Волхова. Аракчеевъ былъ шефомъ нашего полка, и во время торжественныхъ дней и праздниковъ отъ нашего полка всегда отряжался офицеръ для поздравленія графа. Въ 1834 году, передъ наступленіемъ пасхи, я, въ званіи полковаго адъютанта, назначенъ былъ къ поѣздкѣ въ Грузино для поздравленія графа съ свѣтлымъ праздникомъ. Грузино—это богатое село, расположенное по рѣкѣ Волхову, съ роскошнымъ домомъ и великолѣпнымъ садомъ. Я прибылъ туда въ четвергъ на страстной недѣлѣ; обо мнѣ докладываютъ его сіятельству, который изъявилъ желаніе меня видѣть. Я былъ тогда ловкимъ молодымъ человѣкомъ. Застаю графа сидящимъ въ кабинетѣ; я ему раскланялся и отрапортовалъ о себѣ и о своемъ назначеніи.

— Кто-ты такой? спросилъ графъ нѣсколько въ носъ.

— Романовичъ, ваше сіятельство! отвѣчалъ я.

— Полякъ!! воскликнулъ какъ будто съ ужасомъ Аракчеевъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше сі-ство! Малороссіянинъ изъ Черниговской губерніи, возразилъ я.

— Это все лучше, отвѣчалъ Аракчеевъ, уже нѣсколько смягченнымъ тономъ, а то Полякъ — подлецъ! (*)

Тутъ онъ сталъ привѣтливѣе, посадилъ меня, вступилъ въ разговоръ, порицалъ правительство, при чемъ великому князю Михаилѣ Павловичу также досталось не мало.

— Знаешь-ли-ты К.? спросилъ онъ меня потомъ.

— Имѣю счастіе знать, отвѣчалъ я.

— Какое тутъ счастіе! съ гнѣвомъ возразилъ онъ мнѣ и при этомъ разсказалъ о тѣхъ благодѣніяхъ, которыя онъ будто-бы оказалъ генералу К-ю, когда тотъ былъ еще въ офицерскихъ чинахъ и горько жаловался, что К. забылъ его и никогда не навѣститъ. За тѣмъ спросилъ меня, не желаю-ли я осмотрѣть его комнаты, и когда я изъявилъ согласіе на его любезное предложеніе — „Смотри, сказалъ онъ, почаще читай, что̀ написано на стѣнкѣ.“ Я, признаться, вначалѣ не понялъ словъ этихъ, смыслъ которыхъ былъ для меня весьма загадоченъ. Камердинеръ повелъ меня по комнатамъ, роскошно отдѣланнымъ; каждая комната имѣла свой инвентарь, гдѣ было вписано все что̀ заключалось въ комнатѣ. Инвентарь этотъ висѣлъ на стѣнѣ, и рукою самого графа было надписано: „глазами гляди, а рукамъ воли не давай.“ Тутъ-то сталъ мнѣ понятенъ смыслъ его словъ: почаще читай, что̀ на стѣнкѣ написано. Изъ всѣхъ комнатъ, мною осмотрѣнныхъ, особенно замѣчательна такъ называемая Александровская; называлась она такъ, потому что императоръ, бывая у Аракчеева, тамъ занимался. Въ этой комнатѣ сосредоточено было, такъ сказать, все величіе Аракчеева, все прошедшее его славы, уже померкшей при покойномъ Николаѣ. Такъ, на столѣ стоялъ мраморный бюстъ Александра на литомъ серебренномъ пьедесталѣ, на одной сторонѣ кото-

(*) Грубое выраженіе это отчаста объясняется тѣмъ, что графъ Аракчеевъ былъ близкимъ свидѣтелемъ благодѣяній, которыя оказывалъ Полякамъ императоръ Александръ Павловичъ. *П. Б.*

раго выписано было золотыми буквами письмо государя къ Аракчееву изъ Таганрога незадолго до кончины его величества. Въ этомъ письмѣ государь увѣдомлялъ его о разстроенномъ и почти безнадежномъ состояніи своего здоровья уврялъ его въ своей вѣчной дружбѣ и преданности къ нему. На другой сторонѣ—надпись такого содержанія: „кто осмѣлится прикоснуться къ этому бюсту, тотъ да будетъ анаѳема, проклятъ!“ Тутъ же стояла чернильница и хранилось перо, которымъ писалъ императоръ Александръ; сорочка, въ которой онъ родился, печать имъ употребляемая; въ стеклянномъ ящикѣ сберегалась холщевая сорочка, въ которой почилъ Александръ и въ которой Аракчеевъ завѣщевалъ себя похоронить; лоскутъ глазета отъ его гроба и множество писемъ и бумагъ. На стѣнѣ висѣли часы, которые однажды въ годъ, а именно: 19 ноября въ 2 часа (въ день и часъ кончины императора) играли:„ Со святыми упокой!...“ Осмотрѣвши комнаты, я возвратился въ кабинетъ къ гр. Аракчееву. —Пьешь-ли ты водку? спросилъ онъ меня, и, получивъ отрицательный отвѣтъ, похвалилъ меня, сказавъ, что и онъ ея не употребляетъ, и приказалъ подать вина. Мы выпили.

На другой день въ пятницу, въ 3 часа по полудни, Аракчеевъ почувствовалъ сильную боль въ груди (антоновъ огонь), и тотчасъ потребовалъ медика. При немъ находился тогда въ качествѣ домашняго врача нѣкто г. Левицкій. Тотъ явился и увидалъ, что состояніе графа безнадежно. Аракчеевъ началъ бранить и медиковъ и медицину, требовалъ, чтобы продлили ему жизнь на два мѣсяца, потомъ уменьшилъ этотъ срокъ на мѣсяцъ, умолялъ, сердился. Наконецъ просилъ, чтобы послали за Арендтомъ въ Петербургъ. Я послалъ тотчасъ фелдъегеря, которыхъ при графѣ находилось 6 человѣкъ, и тотъ полетѣлъ въ Петербургъ. Между тѣмъ Аракчеевъ сталъ приходить въ бѣшенство. Раздавались проклятія; наконецъ онъ взмахнулъ руками и одну изъ нихъ всунулъ въ ротъ съ крикомъ: „проклятая смерть!“ и испустилъ духъ въ присутствіи моемъ, въ присутствіи врача и камердинера. Омывши тѣло покойнаго, мы стали одѣвать его: надѣли на него холщевую рубашку, въ которой умеръ императоръ Александръ, облекли его въ парадный генеральскій мундиръ и положили на столъ. Потомъ я заперъ двери и запечаталъ ихъ своею печатью и печатью бурмистра и отправился во флигель спать. Вдругъ въ четыре часа ночи меня будятъ; говорятъ: „Пожалуйте, пріѣхалъ генералъ К“. Я тотчасъ всталъ, являюсь. —„Кто такой, и за чѣмъ?“ спросилъ генералъ. Я объясняю. — „Все-ли благополучно?“ снова спросилъ меня К. — Все благополучно, отвѣчалъ я. Тогда мы пошли въ домъ въ сопровожденіи фельдъегеря, прибывшаго съ генераломъ. Я отпечаталъ и отперъ двери. К. вошелъ въ Александровскую комнату и сталъ прибирать бумаги покойнаго, вынулъ письма изъ пакетовъ, перещиталъ ихъ и другія бумаги въ моемъ присутствіи, вложилъ въ папку, запечаталъ и отдалъ фельдъегерю, который и отправился съ ними въ Петербургъ.

Въ Свѣтлое Воскресеніе пріѣхали генералы и другія важныя лица изъ Петербурга, а также племянникъ Аракчеева, полковникъ со звѣздою, и Грузино оживилось. Между тѣмъ вызванъ былъ Аракчеевскій полкъ, прибывшій на подводахъ, и батарея артилеріи. Когда нужно было класть тѣло покойнаго въ гробъ, то К. обратился къ намъ офицерамъ съ вопросомъ, не желаетъ-ли кто переложить тѣло покойнаго, но никто не изъявилъ желанія, и тѣло должны были положить священникъ и племянникъ Аракчеева. Ко гробу приставленъ былъ почетный караулъ изъ офицеровъ, которые мѣнялись чрезъ каждые два часа денно и нощно; діаконъ читалъ псалтырь. Намъ однажды захотѣлось шампанскаго. Подали, конечно, въ другой комнатѣ, куда вышли и мы. Одинъ изъ офицеровъ подошелъ ко гробу со стаканомъ въ рукахъ. Діаконъ положительно обмеръ: „Что вы!

сказалъ онъ отчаянымъ голосомъ, какъ это можно! Что если да графъ встанетъ? бѣда намъ, всѣ пропали!“. Во вторникъ совершено было погребеніе Новгородскимъ архіепископомъ съ участіемъ архимандритовъ и множества духовенства. Тѣло покойнаго положено при находящемъ въ Грузинѣ великолѣпно-устроенномъ храмѣ, въ склепѣ, рядомъ съ прахомъ умершей насильственнымъ образомъ его наперсницы Анастасьи. Надъ могилой поставленъ памятникъ художественной отдѣлки.

Вотъ что разсказывали тогда о исторіи этого памятника. Въ декабрѣ 1833 года пріѣзжаетъ въ Грузино молодой человѣкъ и привозитъ этотъ памятникъ. На вопросъ графа: откуда этотъ памятникъ? молодой человѣкъ отвѣчалъ, что кто-то онъ имени графа заказалъ его, что даже деньги за него, и равно и за провозъ, отданы. На памятникѣ была изготовлена надпись слѣдующаго содержанія: здѣсь лежитъ тѣло Новгородскаго дворянина Алексѣя Андреевича Аракчеева, родившагося въ такомъ-то году и умершаго (оставалось вписать только годъ и мѣсяцъ смерти). Это обстоятельство не мало удивило Аракчеева и крайне его смутило. Предполагали что оно имѣло не мало вліянія на ускореніе его смерти. Этотъ-то самый памятникъ и былъ поставленъ надъ могилою его. Другая причина могла быть та, что Аракчеевъ, столько трудовъ положившій на свою любимую идею, на свое созданіе (я говорю о военныхъ поселеніяхъ) замѣчалъ, что онѣ годъ отъ году все болѣе и болѣе приходили въ упадокъ и не было уже силъ поддержать ихъ. Жалкое состояніе этихъ поселеній, конечно, не могло не возбуждать крайне и безъ того раздражительнаго темперамента этого причудливаго временщика; оно не могло не поселять грусти въ его сердцѣ при видѣ столь жестоко обманутыхъ ожиданій (*).

Почти тотчасъ по смерти знаменитаго владѣльца Грузина начались между крестьянами безпорядки: избавившись отъ долго висѣвшаго надъ ними гнета, крестьяне бросились все опустошать. Вслѣдствіе этого въ видѣ военной экзекуціи мы, т. е. нашъ полкъ, долженъ былъ простоять въ Грузинѣ еще нѣсколько времени, и мы простояли тамъ болѣе двухъ мѣсяцевъ и отправились оттуда въ Петербургъ. Славно пожили мы тогда! Офицеры и солдаты—все это жило на счетъ Аракчеева, и мы были всѣмъ обезпечены совершенно. Распорядителемъ всего былъ уѣздный предводитель дворянства Тыртовъ, и мы ему, признаться, много надоѣдали нашими требованіями.

Недѣли чрезъ двѣ пріѣхалъ въ Грузино братъ Аракчеева Петръ Анреевичъ съ женою; отдали послѣдній долгъ усопшему и прожили нѣкоторое время въ Грузинѣ; но когда открылось, что Аракчеевъ все имѣніе свое передаетъ Новгородскому корпусу, который потому и названъ былъ Аракчеевскимъ, то эти родственники съ негодованіемъ уѣхали. Замѣчу при этомъ, что поведеніе наше, это веселіе и этотъ разгулъ солдатской жизни въ началѣ сильно не нравились брату Аракчеева, и онъ далъ намъ замѣтить черезъ Тыртова, что подобное поведеніе не прилично, что тѣло покойнаго еще не остыло и что мы живемъ на всемъ содержаніи графа, слѣдовательно должны почесть его памят. Но, какъ я сказалъ, Аракчеевъ-братъ и жена его скоро уѣхали, и разгулъ нашъ не потерпѣлъ перерывовъ....

Странная личность была этотъ покойный Аракчеевъ, скажу я вамъ! Кому неизвѣстна желчность, раздражительность его? Вотъ нѣсколько случаевъ въ дополненіе къ моему разсказу: однихъ я самъ былъ свидѣтелемъ, о другихъ слышалъ отъ лицъ къ нему приближенныхъ. Такъ напримѣръ, графъ не питалъ никакого уваженія къ браку,—онъ, можно сказать, пренебрегалъ имъ. Вотъ что мнѣ разсказывали. Въ огромномъ имѣніи Аракчеева постоянно наростало значительное число жениховъ и невѣстъ; о нихъ обыкновенно докладывалъ графу бурмистръ,

(*) Мы сильно сомнѣваемся въ справедливости сихъ послѣднихъ предположеній разсказщика. *П. Б.*

и графъ приказывалъ представить ихъ къ себѣ; являлись парни и дѣвицы цѣлою толпою. Графъ разставлялъ ихъ попарно,—жениха съ выбранною имъ невѣстою; Иванъ становился съ Матреною, и Сидоръ съ Пелагеею. Когда всѣ такимъ образомъ установятся, графъ приказываетъ перейдти Пелагеѣ къ Ивану, а Матрену отдаетъ Сидору и такъ прикажетъ повѣнчать ихъ. Отсюда въ семействахъ раздоры, ссоры и развратъ (*). Въ Грузинѣ былъ большой порядокъ и чистота: главная улица не уступала любому паркету богатаго аристократическаго дома. Это была, т. сказать, парадная улица. Хозяйственныя и другія принадлежности домашнія крестьяне обязаны были возить по околицѣ, облегавшей задніе дворы селенія. Избави Боже, если кто попадется изъ крестьянъ съ навозомъ или другимъ чѣмъ на главной улицѣ: тотъ битъ будеть много! Въ экзекуціяхъ своихъ Аракчеевъ доходилъ до нероновской артистичности: такъ донесли ему однажды, что у крестьянина нашлась табакерка съ табакомъ, чего Аракчеевъ терпѣть не могъ. Назначена крестьянину порка: откомандировали хоръ пѣвчихъ, состоящій изъ молодыхъ красивыхъ дѣвицъ, всѣ въ красныхъ сарафанахъ; разложили мужика съ табакеркой и всыпали ему значительное число горячихъ. Во время экзекуціи пѣвчіе пѣли: „Со святыми упокой, Господи!“.

(Сообщено П. А. Мусатовскимъ)

(*) Самъ Аракчеевъ былъ женатъ съ 1806 года, но не жилъ съ своею супругою (См. Русскій Архивъ 1866, стр. 923)